

63.5
Д86
СА-406482

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Елена Душечкина

**РУССКАЯ
ЁЛКА**

История, мифология, литература

Елена Душечкина

РУССКАЯ ЕЛКА

История, мифология, литература

СА-406482

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

✓
МОСКВА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2023

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
Дерево в мировой мифологии	12
Культ деревьев на Руси	19
Ель в мировой мифологии	24
«Родины нашей питомица скромная»: Елка в русской народной традиции	41
Петровский указ 1699 года и его последствия	48
«Мы переняли у добрых немцев детский праздник»: Рождественское дерево в России первой половины XIX века	54
Русская елка во второй половине XIX века	68
«Милая немецкая затея»: освоение елки в России	68
«Там детство рождественской елью топорщится»: праздник рождественской елки	73
«В нашей школе тоже елка зажжена»: публичные елки	91
Мифология русской елки	95
«Неувядающая, вечнозеленая, благостыня Божия»: елка как христианский символ	95
«Христово дерево»: литературные легенды о рождественской елке	99
«Елка и ельник»: двойственность символики русской елки	106
«А на елку не мешало бы и проклятие наложить!»: полемика вокруг елки	108
Псевдонародная елочная мифология	113
Украшение елки. Елочные игрушки	122
Елочные подарки и их дарители	153
Пособия для проведения елки	165

Праздник елки в художественной литературе	172
Детские елки	172
Сюжет «чужая елка»	178
«Ель» Андерсена в русской традиции	191
Главная песня о елке: «В лесу родилась елочка...»	196
Елка в русской жизни на рубеже XIX–XX веков	206
История елки после Октября 1917 года	224
Елка в годы Гражданской войны и послевоенной разрухи	224
«Стал я безродным, какое же мне Рождество?»: Рождественская елка русских эмигрантов	233
Антирождественская кампания. Борьба с елкой	239
Елка «в подполье»	245
«Реабилитация» елки	247
«Предложение тов. Постышева»	247
Легенда о человеке, подарившем елку советским детям	253
Елка Ильича	264
«Праздник радостного и счастливого детства в нашей стране»	279
«Мы весело пляшем у елки большой»	289
«Пусть детишки помнят праздник»	296
Мифологические персонажи праздника елки	303
Дед Мороз	303
Снегурочка	328
Литература	351

ПЕТРОВСКИЙ УКАЗ 1699 ГОДА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

В России обычай новогодней елки ведет свое начало с Петровской эпохи. Мнение о том, что елка как новогодний символ «первоначально сделалась известною в Москве с половины XVII века» и устраивалась в Немецкой слободе, где с ней познакомился юный царь Петр и откуда она была «перевезена» в Петербург [446: 87], похоже, не имеет под собой никакой реальной почвы. Лишь по возвращении домой после своего первого путешествия в Европу (1698–1699) Петр I «устраивает, — по словам А. М. Панченко, — экстралегальный переворот, вплоть до перемены календаря» [320: 11]. Согласно царскому указу от 20 декабря 1699 года, впредь предписывалось вести летоисчисление не от Сотворения мира, но от Рождества Христова, а день «новолетия», до того времени отмечавшийся на Руси 1 сентября, «по примеру всех христианских народов» перенести на 1 января. В этом указе давались также рекомендации по организации новогоднего праздника. В его ознаменование в день Нового года было велено пускать ракеты, зажигать огни и украсить столицу (тогда еще Москву) хвоей:

По большим улицам, у нарочитых домов, пред воротами поставить некоторые украшения от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевеловых против образцов, каковы сделаны на Гостином дворе.

А «людям скудным» предлагалось

каждому хотя по древцу или ветве на ворота или над храминою своей поставить... а стоять тому украшению января в первый день [470: 349; 278: 5; 344: 37].

Эта малозаметная в эпоху бурных событий деталь и явилась в России началом трехвековой истории обычая устанавливать елку на зимних праздниках.

Однако к будущей рождественской елке указ Петра имел косвенное отношение. Во-первых, город декорировался не только еловыми, но и другими хвойными деревьями; во-вторых, в указе рекомендовалось использовать как целые деревья, так и ветви, и наконец, в-третьих, украшения из хвои предписано было устанавливать не в помещении, но снаружи: на воротах, крышах трактиров, улицах и дорогах. Тем самым елка превращалась в деталь новогоднего городского пейзажа, а не рождественского интерьера, чем она стала впоследствии. Текст царского указа свидетельствует о том, что для Петра во вводимом им обычае, с которым он познакомился, конечно же, во время путешествия по Европе, важной была как эстетическая сторона (дома и улицы велено было *украсить* хвоей), так и символическая: декорации из хвои следовало создавать в *ознаменовании* Нового года.

Петровский указ от 20 декабря 1699 года является едва ли не единственным документом, относящимся к истории елки в России XVIII века. После смерти Петра, судя по всему, его рекомендации были основательно забыты, но в одном отношении они имели довольно забавные последствия, добавив к символике ели новые оттенки. Царские предписания сохранились лишь в новогоднем убранстве питейных заведений, крыши и ворота которых перед Новым годом продолжали украшать елками. По этим елкам (привязанным к колу, установленным на крышах или же воткнутому у ворот) опознавались кабаки. Деревья стояли там до следующего года, накануне которого старые елки заменяли новыми. Возникнув в результате петровского указа, этот обычай поддерживался в течение XVIII и XIX веков. Пушкин в «Истории села Горюхина» упоминает «древнее общественное здание (то есть кабак. — Е. Д.), украшенное елкою и изображением двуглавого орла» [364: V, 189]. Эта характерная деталь была хорошо известна и время от времени отражалась в литературных произведениях. Д. В. Григорович, например, в повести 1847 года

«МЫ ПЕРЕНЯЛИ У ДОБРЫХ НЕМЦЕВ ДЕТСКИЙ ПРАЗДНИК»

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ДЕРЕВО В РОССИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

С елкой как с «ритуальным атрибутом рождественской обрядности» [71: 47] мы встречаемся в России лишь в начале XIX столетия. На этот раз встреча с елкой состоится уже не в Москве, а в Северной столице. Приток немцев в Петербург, где их было много с самого его основания, продолжался и в эти годы. Вполне естественно, что выходцы из Германии привозили с собой усвоенные на родине привычки, обычаи и ритуалы, которые они тщательно сохраняли и поддерживали на новом месте жительства. Поэтому неудивительно, что на территории России первые рождественские елки появились именно в домах петербургских немцев. В русской печати первых десятилетий XIX столетия об этом обычае сообщалось с подробностями, характерными для описания особенностей чужой культуры. А. А. Бестужев-Марлинский в повести «Испытание» (1831), изображая Святки в Петербурге 1820-х годов, пишет:

У немцев, составляющих едва ли не треть петербургского населения, канун Рождества есть детский праздник. На столе, в углу залы, возвышается деревцо... Дети с любопытством заглядывают туда.

И далее:

Наконец наступает вожделенный час вечера, — все семейство собирается вместе. Глава оногo торжества срывает покрывало,

и глазам восхищенных детей предстает Weihnachtsbaum в полном величии... [47: 33]¹.

Считается, что первое рождественское дерево в императорской фамилии было установлено 24 декабря 1817 года в Москве, в Кремле (где царская семья проводила зиму). Инициатива принадлежала великой княгине Александре Федоровне (дочери прусского короля Фридриха-Вильгельма III), выросшей в Берлине. На следующий год елка уже стояла в их собственном Аничковом дворце, а после коронации Николая Павловича и Александры Федоровны елки в царской семье стали проводиться ежегодно в Зимнем дворце. На Рождество 1828 года Александра Федоровна устроила первый детский праздник с елкой в Большой столовой дворца. На ней присутствовали пятеро ее детей и племянницы — дочери великого князя Михаила Павловича. На праздник были приглашены и дети придворных из ряда семейств. На восьми столах (по числу детей) стояли елочки, украшенные конфетами, золочеными яблоками и орехами. Под ними были разложены подарки [см.: 409: 116–120].

Впоследствии этот обычай повторялся ежегодно. Вот как рассказывает об этих праздниках фрейлина высочайшего двора Мария Фредерикс (1832–1897):

Накануне Рождества Христова, в сочельник, после всенощной, у императрицы была всегда елка для августейших детей, и вся свита приглашалась на этот семейный праздник. Государь и царские дети имели каждый свой стол с елкой, убранной разными подарками, а когда кончалась раздача подарков самой императрицей, тогда входили в другую залу, где был приготовлен большой длинный стол, украшенный разными фарфоровыми изящными вещами с Императорской Александровской мануфактуры. Тут разыгрывалась лотерея вместе со всей свитой, государь обыкновенно

¹ Сохранились сведения (хотя и чрезвычайно редкие) об устройстве елок в русских дворянских семьях в самом начале XIX века. Так, по воспоминаниям современника, дед М. Ю. Лермонтова Михаил Васильевич 2 января 1802 года организовал в Тарханах для своей дочери Машеньки маскарад с елкой [см.: 517: 55].

ЕЛКА В РУССКОЙ ЖИЗНИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Крепкий румяный русский год катился по календарю, с крашеными яйцами, елками, стальными финляндскими коньками, декабрем, вейками и дачей.

Осип Мандельштам. Шум времени

Сколько отдано елкам!

Борис Пастернак. Детство

К концу XIX столетия елка окончательно вписалась как в домашний праздничный интерьер, так и в рождественский городской пейзаж: «...в настоящее время и праздник не в праздник без красавицы елки» [336: 108]. Утвердилось представление о том, что разукрашенное еловое дерево испокон веков было обязательной принадлежностью русского Рождества: «Елка в настоящее время так твердо привилась в русском обществе, что никому и в голову не придет, что она не русская», — писал В. В. Розанов в 1902 году [371: 152]. В начале XX века под этими словами могли бы подписаться многие: привычность елки привела к тому, что она стала восприниматься как народный по своему происхождению обычай.

Как и раньше, в первую очередь елка готовилась для детей:

...рождественский праздник называют детским праздником: хоть раз в году дети становятся героями дня; около них сосредоточиваются все заботы [29: 192].

Однако перед Рождеством елочный ажиотаж охватывал людей всех поколений. Праздник Рождества, долгое время

отмечавшийся в России как сугубо религиозное торжество, вышел за пределы храма, превратившись в светский праздник, в котором центральное место заняла елка. Рождественский сезон изменял привычный ход жизни, сказывался на атмосфере, настроении, деятельности, материальном положении людей. Елка всех втягивала в сферу своего влияния: наступало ее время, начинались «деятельные приготовления на елку» [29: 192].

Прежде всего необходимо было обеспечить город достаточным количеством деревьев на любой вкус и на любой спрос. Заготовка елок начиналась за неделю до Рождества. Для лесников и крестьян из пригородных деревень их продажа превратилась в один из сезонных заработков: «Лесники потирают руки...» [29: 192]; «Рубит мужик елку; / Продаст в городе за полтину...» [105: 149]. С раннего утра, а то и с ночи крестьяне отправлялись в леса на порубку елей, и «на утро салазки, нагруженные грудями елок, нарубленных в лесу... тянулись общими силами по рыхлому снегу просторного поля» [133: 5]. Рискуя быть оштрафованными за порубку чужого леса, крестьяне все же не упускали случая «украсть в лесу несколько елок», дабы не остаться на праздниках «не только без водки, но даже и без хлеба» [62: 138]. Быстро нарубленные деревья подтаскивали к саням и увозили из лесу, так чтобы к рассвету все было завершено. И если порубщикам удавалось благополучно справиться с этой задачей, то наутро в городе они уже продавали свой «зеленый товар» [110: 5]. В борьбе за приработок к празднику никто уже не вспоминал о вреде, наносимом лесу в канун Рождества: «Чухны вырубают последние сосновые рощи на финских болотах и везут их в Петербург» [29: 193].

Доставленные в город деревья свозились на места торга. Продавались они в самых многолюдных местах: у гостиных дворов, на площадях, на рынках. В Петербурге главный елочный базар вначале был у Гостиного двора, а позже — на Петровской площади (ныне Сенатская). Однако потребность в елках была столь велика, что стихийно возникали елочные базары во многих местах города. Обзавестись елками можно было и на Сенной площади, и на 4-й линии

Рождество. Возвращение домой с елкой. Рис. Шамотье. Грав. Шюблера.
(журнал «Нива». 1886. № 52)

домой под мышками. Большие елки развозились по домам на извозчиках или же разносились нанятыми за четвертак босяками. Эти несущие елки босяки, уже подвыпившие, с замерзшими руками, встречались по всему городу. Крупные деревья обычно несли вдвоем: один держал обструганный колом конец ствола, второй — вершину и под мышкой деревянную перекладину.

Елки несли по всем улицам. Ветви плавно качались у обледенелых панелей. Снег был усеян еловыми иглами... Елки шествовали во все концы, елки ехали на извозчиках [244: 10].

Эти елочные базары и эти «шествующие по городу елки», а также витрины магазинов и царящее повсюду оживление неузнаваемо преображали город, в котором уже за неделю до Рождества царил праздничная атмосфера.

Прекрасные магазины, сияющие елки, рысаки... визг полозьев, праздничное оживление толпы, веселый гул окриков и разговоров, разрумяненные морозом смеющиеся лица нарядных дам...

в гостиной небольшую елочку, «всю сияющую маленькими теплыми огоньками»: «Золотые и серебряные украшения весело поблескивали. Тут висели, подрагивая и чуть раскачиваясь, миниатюрные гильотинки, изящные модели виселиц, топоры и плахи, серпы и молоты и другие революционные игрушки и эмблемы». Как оказалось, эту елочку устроили «последнему буржую» в утешение те самые два комиссара. «„В борьбе обрешь ты имя свое“, — пролепетал Рыбкин и заплакал. Заплакал от горя и умиления» [219: 77–78].

Елка Ильича

В обширной детской лениниане, которая на протяжении нескольких десятилетий создавалась советскими писателями, специализировавшимися на конструировании канонического образа В.И. Ленина, два сюжета имеют прямое отношение к нашей теме: «Елка в Сокольниках» и «Елка в Горках». Нескольким поколениям советских людей рассказы о Ленине, присутствовавшем на детских елках, были известны едва ли не с младенчества. Их читали в детских садах, они включались в буквари, в школьные учебники и хрестоматии, они миллионными тиражами издавались в сборниках «Ленин и дети» (в 1983 году, например, тираж одной из таких книжек составил два миллиона шестьсот тысяч экземпляров [см.: 55]). Создание и тщательная обработка произведений, в которых вождь мирового пролетариата и основатель Советского государства организует для детей елку, беспечно веселится с детьми и водит с ними хоровод вокруг раскрашенного дерева, вызывались необходимостью не только утвердить, но и постоянно поддерживать в детях культ «дедушки Ленина». У маленьких читателей или — чаще — слушателей этих произведений должно было возникать ощущение абсолютной естественности и правомерности описываемого события: ведь Ленин, как им постоянно внушалось, очень сильно любил детей.

Каждый из этих текстов — «Елка в Сокольниках» и «Елка в Горках» — имеет свою историю. Они возникли в разное время, основываются на разных событиях и разных источниках.

Прежде чем был выработан их канонический вариант, оба текста тщательно и неоднократно редактировались. История их создания показывает, сколь строго в процессе формирования образа Ленина, идеализированного в человеческом отношении и безукоризненного в идеологическом плане, взвешивались и подтасовывались факты, фильтровались подробности и нюансы событий его биографии.

В основу «Елки в Сокольниках» положены воспоминания видного советского и партийного деятеля, сподвижника Ленина В. Д. Бонч-Бруевича. Эпизод о елке в сокольнической Лесной школе, на которой присутствовал Ленин, содержится в очерке «Нападение бандитов на В. И. Ленина в 1919 г.», который впервые вышел отдельной брошюрой в 1925 году в издательстве «Жизнь и знание». Через пять лет, в 1930 году, был опубликован цикл воспоминаний Бонч-Бруевича «Три покушения на В. И. Ленина», а год спустя увидел свет полный свод его «Воспоминаний о Ленине», который представляет собой довольно толстую книгу. В нем интересующий нас очерк имеет название «Нападение на Владимира Ильича Ленина в 1919 г.». Сюжетным центром этого очерка является не столько праздник елки, сколько эпизод нападения бандитов на машину, в которой Ленин ехал в Сокольники. Главная цель мемуариста состояла в изображении постоянных опасностей, которые подстерегали Ленина на его жизненном пути. И хотя в данном случае ему угрожали не враги, а простые бандиты, автору было важно донести до сознания читателей мысль о том, сколь часто Ленин подвергался смертельной опасности.

Как рассказывает Бонч-Бруевич, в конце 1919 года Н. К. Крупскую по настоянию Ленина отправили для поправления здоровья в Лесную школу, расположенную в Сокольниках. Ленин часто навещал жену, и однажды в конце декабря он предложил Бонч-Бруевичу отправиться в Сокольники вместе с ним, чтобы повидаться с Надеждой Константиновной, а заодно и принять участие в детском празднике елки. Ленин дал Бонч-Бруевичу деньги «для складчины» и наказал ему купить продукты и игрушки для елки: «...Доставайте, где хотите, пряников, конфет, хлеба, хлопушек с костюмами,

Иллюстрация Н. Жукова к рассказу А. Кононова
«Елка в Сокольниках» (1941)

Кроме переработки Кононова, существует еще по крайней мере две версии сюжета, отраженного в мемуарах Бонч-Бруевича. В вышедшем в Свердловске в 1940 году сборнике «Морозко» тот же сюжет под заглавием «Ленин на елке» дан в обработке А. Гутмана (или Гутман?). Как и в тексте Кононова, события с самого начала разворачиваются в Лесной школе. Елку срубает и устанавливает сторож Иван Кузьмич; дети бегут к заведующей Ольге Петровне и спрашивают ее, чем украсить дерево; они сами мастерят игрушки (кораблики, звездочки и ватного Деда Мороза), после чего начинают поджидать Ленина: «Вот и елка готова, и темнеть начало, а Ильича все нет и нет». И тут действие переносится на лесную дорогу, где Ленина с женой задержали бандиты. Однако после того как Ленин решительно заявил им: «Я должен быть сегодня на елке. Меня ждут дети», — бандиты отпускают его. Ленин появляется в школе, весь обсыпанный

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ПРАЗДНИКА ЕЛКИ

Дед Мороз

И Дед Мороз приходит в гости
Попить с ребятами чайку.

М. А. Светлов. Зима

В восточнославянской мифологии культ Мороза прослеживается в народных сказках, а также в представлениях, связанных со Святками, в обрядности которых он играл важную роль. Культ Мороза отразился в ритуале его «кликанья» и «кормления» накануне Рождества, в Велик день и в другие переломные моменты года, определяющие будущее. Мороз «задабривали», кладя на подоконник или на крыльцо ложку с кутьей или киселем, приговаривая: «Мороз, Мороз! Приходи кисель есть; Мороз, Мороз! Не бей наш овес!»; «Мороз, Мороз, иди кутью есть, а улетку по гречисе не волочи-ся: будем железной пугой бить»; «Мороз, Мороз! Иди в хату кутью есть. Зимой ходи, а летом под колодой лежи» и др. В народной традиции Мороз представляется существом, живущим в лесу. В деревню он заходит только затем, чтобы попугать людей. Когда он ходит по деревне, то постукивает ледяным молотком в стены или двери и окна. Маленьких ребят унимали стуками молотка в стену: «Погоди, Мороз идет, он тебя...» [78: 164]. Под Новый год молодые люди хоронили соломенное чучело в мужской одежде, а парня, наряженного сторбленным стариком, выгоняли из деревни кнутом и палками [70: 114]. Образ Мороза нашел отражение в пословицах, поговорках и загадках: «Старик у ворот тепло уволок», «Старик-шутник на улице стоять не велит, за нос

Светописная раскрашенная оригинальная картина Шерера и Энглера из книги «Рождественская елка. Сказка для детей» (СПб.; М., 1882)

в процессе поисков ответов на детские вопросы: откуда в доме берется елка, кто ее приносит, кто дарит подарки?

Ответ на первый вопрос привел к появлению на празднике елки образа зимнего леса, что тотчас же сказалось на украшениях, среди которых появились всевозможные зимние лесные атрибуты. Одной из висящих на елке игрушек стал старик в шубе и с мешком в руках. Вскоре, увеличившись в размерах,

Иллюстрация в книге «Ночь под Рождество» (1884)

он, возведенный в ранг главной елочной игрушки, был поставлен под елку. Такого игрушечного старика, стоящего под елкой, в рассказе А. В. Круглова 1882 года «Заморыш» видит мальчик, рассматривающий украшенное дерево через оконное стекло чужого дома [209: 1–2]. «Рождественские старики, обсыпанные инеем» [390: 8; см. также: 253: 4], установленные в окнах кондитерских и игрушечных магазинов, превращались

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**